

Kathi Appelt

The Underneath

Кэти Аппельт

Под крыльцом

УДК 82-31-93

ББК 84(7Сое)6-44

A76

Перевод с английского Ольги Пановой

Аппельт, Кэти

A76 Под крыльцом / К. Аппельт ; [пер. с англ. О. Пановой]. – М. : РИПОЛ классик. – 288 с.

ISBN 978-5-519-64966-7

Кэтти Аппельт — знаменитая американская писательница, автор более двадцати книг для детей. Дебютный роман «Под крыльцом» принес ей мировую известность и медаль Ньюбери за выдающийся вклад в детскую литературу.

«Самое страшное одиночество — это когда тебя любили, а потом бросили. Так случилось с маленькой трехцветной кошкой, которую хозяева приютили, а потом взяли и бросили». С этого начинается знаменитая на весь мир история дружбы трехцветной кошечки, котят-проказников и старого гончего пса, живущих под крыльцом дома.

Проникновенная, трогательная, мудрая, вечная книга о любви, дружбе, заботе о близких, прощении и понимании.

УДК 82-31-93

ББК 84(7Сое)6-44

THE UNDERNEATH by Kathi Appelt
Text copyright © 2008 by Kathi Appelt
Originally published by Atheneum Books
for Young Readers, an imprint of Simon &
Schuster Children's Publishing Division
Used with the permission of Pippin
Properties, Inc. through Rights People,
London and The Van Lear Agency
Illustrations copyright © 2008 by David
Small
© ООО «Издательская Группа Азбука-
Аттикус», перевод на русский язык,
2018
© Издание на русском языке,
оформление. ООО Группа Компаний
«РИПОЛ классик», 2018

ISBN 978-5-519-64966-7

Посвящается Грегу и Синтии,
потому что это история о любви и о кошках,
что, в сущности, одно и то же.

K.A.

1

Самое страшное одиночество — это когда тебя любили, а потом бросили. Так случилось с маленькой трёхцветной кошкой, которую хозяева приютили, а потом взяли и бросили. Просто оставили на обочине дороги. Её семья, её люди, с которыми она жила в тёплом, уютном доме, бросили свою кошку, и она осталась одна в незнакомом лесу среди старых-престарых деревьев, под проливным дождём, от которого её хорошенёкая чёрно-бело-рыжая шубка сразу же вымокла.

Сколько времени она шла по лесу? Час? Или два? А может, целый день? Она и сама не знала. Как вообще она оказалась в этом чужом лесу, так далеко от родных мест? Кошка смутно помнила, как её посадили в машину, завели мотор, долго везли куда-то... А потом она очутилась здесь — в незнакомом лесу, под дождём, который лил не переставая и промочил насквозь её пушистую трёхцветную шёрстку. Она всё шла и шла куда-то, осторожно ступая по мягким сосновым иглам, а вокруг слышался лишь монотонный шум дождя.

Приближался вечер. Смеркалось. Она пробиралась сквозь лесную чащу, уходя всё дальше и дальше от разбитой дороги. Конечно, ей было очень страшно.

Она вздрагивала от оглушительных раскатов грома, от ослепительных вспышек молний. Её пугала надвигавшаяся темнота. Но не это было самым худшим. Ужаснее всего было одиночество — бездомная кошка, одна-одинёшенька, в чужом, незнакомом лесу.

Её лапки ступали по сосновым иглам, она всё шла, шла куда глаза глядят и вдруг набрела на старую, заброшенную нору. Чей это был дом? Может, рыжей лисицы? Или полосатого скунса? А может, колючего дикобраза? Трудно сказать. Место опустело так давно, что от прежнего хозяина не осталось даже запаха. Кошка очень обрадовалась, обнаружив эту нору в корнях старой ниссы. Здесь можно было переночевать, укрывшись от молний и дождя. Она залезла в неё и, свернувшись клубком, тихонько замурлыкала. Это была колыбельная для её будущих котят: малыши готовились появиться на свет, уютно устроившись в её круглом тёплом брюшке. А старые мудрые деревья шумели всю ночь напролёт, баюкая усталую, промокшую кошку.

2

Старые мудрые деревья... Чего только не повидали они на своём веку! Вот, например, эта огромная мексиканская сосна. Когда-то она была самым высоким деревом в этом лесу — целых тридцать метров. Её крона задевала облака, а по ночам казалось, что звёзды светят, свисая с её ветвей. Вот такая это была сосна. Потом в неё ударила мол-

ния, но и теперь её ствол, расколотый надвое, словно треснувшая колонна, высится возле ручья, которому дали имя Плакучий.

Деревья — хранители преданий. Если бы человек понимал язык клёнов, дубов и вязов, они бы многое могли ему поведать. Например, они рассказали бы о другой грозе, которая бушевала здесь четверть века назад. Тогда свирепый ветер гнул и ломал деревья, ливень превратил лесные ручьи и заболоченную пойму в бурлящие потоки. Кромешную тьму прорезали зигзаги молний, оглушительно грохотал гром. По небу ползли огромные чёрные тучи. Они шли с юга, от берегов Мексиканского залива, на северо-восток, туда, где течёт река Сабина, та самая, что служит границей между двумя штатами — Техасом и Луизианой.

А эта старая тысячелетняя сосна с огромным, неохватным стволом, прямым, словно могучая колонна, припомнила бы о том, как она вздымала свои ветви, приветствуя молнии, дождь и гром, как ливень обрушился на её крону, как быстрые струи стекали вниз по мощному стволу, смывая с него пыль и паутину. Теперь, вспоминая об этом, она грустно покачивала ветвями.

Но тогда, в самый разгар бури, в непроглядной тьме вдруг налетел свирепый ветер, тёмные тучи прорезала ослепительная молния, раздался оглушительный удар грома — кррр-рах! В воздух полетели щепки, послышался треск, и могучее дерево раскололось. Оно было ранено в самое сердце. Трещина

прошла ровно посередине, вдоль ствола — от верхушки до самых корней.

У старого-старого дерева, такого, как эта сосна, очень крепкая сердцевина. Но разве устоит она против миллиардов вольт небесного электричества? Задрожала сосна. Золотистые искры посыпались с её ветвей на мокрую землю. А потом сосна замерла. Дерево поменьше от такого удара упало бы как подкошенное, или его вырвало бы с корнями, подняло в воздух и швырнуло бземь. Но эта сосна, огромная мексиканская сосна, устояла. Корни её глубоко ушли во влажный глинистый берег. Дерево гордо возвышалось у ручья, над его кроной шли грозовые сине-серые тучи, а по стволу струилась, словно кровь, горячая смола. Она текла из развёрстой раны, которая темнела в могучем стволе на высоте двадцати метров от земли. Старое дерево выдержало удар. Оно не рухнуло на землю, не упало в ручей, перегородив воду, словно плотина. Этому ещё суждено когда-нибудь случиться. Когда-нибудь, но не в ту далёкую бурную ночь.

Пока её время не пришло. Сосна по-прежнему стоит на берегу ручья. Крона её изрядно поредела. Ветви одна за другой отламываются и падают на землю или в ручей Плакучий, который уносит их вниз по течению, к серебристым водам реки Сабины. Оттуда они плывут дальше на юг, к Мексиканскому заливу.

А ствол так и высится над ручьём — мощный, прямой, полый внутри. Примерно в миле от него